

ALEA IACTA EST: ГЛОБАЛЬНЫЙ 1989 ГОД

Вопросы дискуссии:

1. Возможно ли использование в гуманитарном дискурсе таких понятий как «точка невозврата», «глобальный 1989», «момент истины»? Какие еще определения символизируют «поворот» в истории?
2. Как вы считаете, детерминирован ли «глобальный 1989» интересами национальных элит? Какую роль в произошедших событиях сыграли случайные факторы?
3. Как вы относитесь к мысли, высказанной в 1992 г. известным специалистом истории конца 1980-х гг. Майклом Хоганом, о том, что разрушение Берлинской стены в конце 1989 г. стало началом разрушения эпохи идеологической и геополитической борьбы между Советским Союзом и США, Россией и Западом?
4. Карта Европы после «точки невозврата»: ментальные и фактические несовпадения. Насколько существенна динамика происходивших изменений?
5. Какие факторы обуславливают различия коммеморативных практик о «глобальном 1989»?

Участники дискуссии:

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Борко Юрий Антонович, доктор экономических наук, профессор, первый президент российской Ассоциации европейских исследований (1992–2010), руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН.

Ващенко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета.

Эндрю Вахтель, PhD, профессор, ректор Университета Нархоз (Казахстан), действительный член Академии Наук США.

ALEA IACTA EST: GLOBAL 1989

Issues of Discussion:

1. Is it possible to use in humanitarian discourse such concepts as “point of no return”, “global 1989”, “moment of truth”? What other definitions symbolize the “turn” in history?
2. Do you think that “global 1989” is determined by the interests of national elites? What role did random factors play in the events?
3. What do you think about the idea expressed in 1992 by a famous specialist in the history of the late 1980s. Michael Hogan, that the destruction of the Berlin Wall in late 1989 was the beginning of the destruction of the era of ideological and geopolitical struggle between the Soviet Union and the United States, between Russia and the West?
4. The map of Europe after the “point of no return”: mental and actual discrepancies. How significant is the dynamics of the changes?
5. What factors determine the differences in commemorative practices of the “global 1989”?

Discussants:

Ayriyan Radmila S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Chief of Department of World History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Apryshchenko Victor Yu., Doctor of Science (History), Professor, Director of Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Borko Yuri A., Doctor of Science (Economy), Professor, the First President of Russian Association of European Research (1992–2010), Director of the Center for Documentation of the EU Institute of Europe RAS.

Vashchenko Aleksander V., Candidate of Science (History), Associate Professor, Dean Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University.

Wachtel Andrew, PhD, Professor, Rector of Narxoz University (Kazakhstan), member of the American Academy of Arts and Sciences.

РЕВОЛЮЦИИ 1989 г. И ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Р.С. Айриян

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о взаимосвязи двух явлений, произошедших в конце XX в. — революций 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы и окончания Холодной войны. Используя документы по внешней политике СССР, автор доказывает, что не сами революции являются актом, завершающим советско-американское противостояние, а отсутствие желания со стороны советских властей удержать эти государства в орбите социализма. Отказ от «доктрины Брежнева» не только на словах, но и на деле, стал сигналом для всего мирового сообщества, что Советский Союз намерен положить конец более чем 40-летнему противоборству. Автор полагает, что декларация по итогам встречи на Мальте, а также совместное заявление стран ОВД об осуждении вторжения в Чехословакию в 1968 г. завершают череду событий 1989 г. в Европе, оказавших непосредственное влияние на завершение противостояния между СССР и США. Автор отмечает наличие европоцентристского подхода к изучению завершающего этапа Холодной войны.

Ключевые слова: революции 1989 г., Холодная война, советско-американское противостояние, геополитика, идеология, Восточная Европа, европоцентризм.

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, rsayriyan@sfnedu.ru.

REVOLUTIONS OF 1989 AND THE END OF THE COLD WAR

R.S. Ayriyan

Abstract. The article considers the relationship between two phenomena that appeared at the end of the twentieth century – the revolutions of 1989 in the countries of Central and Eastern Europe and the end of the Cold War. Using documents on the foreign policy of the USSR, the author proves that not the revolutions themselves are an act completing the US-Soviet confrontation, but the lack of desire from the side of the Soviet authorities to keep these states in the orbit of socialism. The rejection of the “Brezhnev doctrine” not only in words but in deeds became a signal to the entire world community that the Soviet Union intends to put an end to more than 40 years of confrontation. The author believes that the declaration following the meeting in Malta, as well as the joint statement of the ATS countries to condemn the invasion of Czechoslovakia in 1968 complete a series of 1989 events in Europe that had a direct impact on the completion of the confrontation between the USSR and the USA. The author notes the presence of a Eurocentric approach to the study of the final stage of the Cold War.

Keywords: Revolutions of the 1989, Cold War, Soviet-American confrontation, geopolitics, ideology, Eastern Europe, Eurocentrism.

Ayriyan Radmila S., Candidate of Science (History), Associate Professor, Chief of Department of World History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, rsayriyan@sfedu.ru.

Можно ли было в 1989 г., читая газеты и смотря телевизионные репортажи, предположить, что он станет в уже недалеком будущем символом больших перемен? Таким же значимым символом, как и 1968 год, а может быть и важнее.

Причинам и последствиям революций 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы посвящено огромное множество научных исследований. В рамках этих исследований проанализирована советская внешняя политика, рассмотрены процессы трансформации партийно-политических систем в странах ЦВЕ, и многие другие проблемы [Революции и реформы..., 2011; Центральная и Юго-Восточная Европа..., 2015; История антикоммунистических революций..., 2007; The 1989 Revolutions..., 2015; Dale, 2006; Sebestyen, 2010]. Помимо этого, была проделана большая работа по публикации документов из советских / российских архивов [Протестные движения..., 2013; Анатомия конфликтов..., 2013; Конец эпохи..., 2015].

Этот год стал годом распада социалистического блока в Европе, а не годом предчувствия оно; годом разрушения миропорядка, установленного в первое послевоенное десятилетие. В прошлое уходило политическое, экономическое и идеологическое противостояние двух систем — социалистической и капиталистической. Стоит признать, что в 1989 г. крах потерпела советская модель социализма, реализуемая в странах Восточной Европы, но не социализм как идеология. Продолжали существовать социалистические режимы в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Монголии, Кубе и других странах, однако обсуждение судьбы социализма в контексте происшедших изменений стали проводиться уже в начале 1990-х гг.

Но главное — это то, что казалось в прошлое уходят и геополитические противоречия США и СССР. Менялось представление вчерашних врагов друг о друге. Так, на 1989 г. приходится один из лучших показателей позитивных оценок СССР / России американскими гражданами — 62 % против 29 % негативных оценок. Этот показатель уступает только двум периодам: 1991–1992 гг. — 66 % положительных оценок, что легко объясняется масштабными изменениями в мире (распад СССР, рождение новой демократической России, в конце концов, рождение новой надежды на новое будущее) и 2001–2002 гг. — те же 66 % позитивных оценок, объясняемых поддержкой Россией американской антитеррористической войны против Аль-Каиды в Афганистане [Majority].

Однако, к сожалению, слова известного историка американской внешней политики Майкла Хогана, о том, что «...разрушение Берлинской стены в конце 1989 г. стало началом разрушения эпохи идеологической и геополитической борьбы между Советским Союзом и США, Россией и Западом» [The End of the Cold War ..., 1992, р. 1], не оказались пророческими. Эпоха советско-американского противостояния завершилась, но уже в XXI в. мы стали свидетелями нарастания российско-американских противоречий. Приходится констатировать, что и геополитика, и идеология продолжают играть заметную роль и на современном этапе напряженности отношений между двумя державами.

В 1989 г., события проходившие в Восточной Европе, знаменовали собой конец Холодной войны, несмотря на то, что еще существовали Советский Союз и Организация Варшавского договора, а советская армия находилась на территории стран-союзниц. Революции в странах социалистического блока становятся отправной точкой завершения более чем 40-летнего противостояния не самим фактом своего протекания, а, в первую очередь, тем, что не последовало никакой негативной реакции со стороны Советского Союза. Руководство СССР предпочитало не вмешиваться в эти события (по аналогии с 1956 и 1968 гг.), а решило занять позицию стороннего наблюдателя. Еще в 1986 г. М.С. Горбачев на заседании Политбюро говорил: «Все мы осознали, что отношения с соцстранами вышли на другой этап. Как было — дальше нельзя. Те методы, которые применили по отношению к Чехословакии (в 1968 г.) и Венгрии (в 1956 г.), неприемлемы» [Отвечая на вызов времени..., 2010, с. 521].

Отказ М.С. Горбачева от брежневской доктрины «ограниченного суверенитета» оказал существенное влияние на лидеров США, Западной и Восточной Европы, осознавших, что СССР не станет защищать социализм в восточноевропейских странах «от внешних и внутренних врагов». Революции 1989 г. стали не только демонстрацией того, что исчезли идеологические противоречия, но и запустили процесс изменения баланса сил в регионе. Вывод советских войск из стран ЦВЕ фактически запустил процесс их возвращения в «единую европейскую семью», что в свою очередь вернуло саму Европу в центр мировой политической сцены. Она переставала быть «полем битвы» двух сверхдержав.

Кроме того, немаловажным является тот факт, что именно на встрече в Мальте (2–3 декабря 1989 г.) руководители США и СССР объявили о прекращении Холодной войны [Отвечая на вызов времени ..., 2010, с. 234–249]. Эта встреча продемонстрировала, что стороны отказываются видеть в европейских странах «сферы влияния» и стремятся к сотрудничеству в решении международных проблем. Важным актом, завершающим этот процесс отказа «на деле» от доктрины Брежнева, становится совместное заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза от 4 декабря 1989 г., в котором ввод войск в Чехословакию в 1968 г. квалифицировался как неправомерный акт вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

Цепь событий 1989 г. (революционные процессы в странах Центральной и Восточной Европы, нежелание Советского Союза вмешиваться, ориентация на сотрудничество со странами Западной Европы и США, признание акта вторжения в Чехословакию ошибкой) позволяет характеризовать советскую внешнюю политику, как политику отказа от конфронтационной модели прошлых десятилетий, отказа от Холодной войны.

Но может быть этот год так важен и значим только для нас, европейцев и американцев? Что он изменил в Китае, где в этом же году студенческое выступление было подавлено танками? Что он изменил в Иране, где в этом году умер аятолла Хомейни, но не «умерла» вместе с ним Исламская республика? Что он изменил в арабо-израильском конфликте, в рамках которого первая интифада все еще продолжалась?

Если же на Холодную войну посмотреть шире, чем обычно принято, как на борьбу капитализма и социализма, то можно ли вообще говорить, что она завершилась? Один из очагов напряженности Холодной войны продолжает существовать и сегодня – противостояние Южной Кореи и Северной Кореи не прекратилось с распадом социалистического блока и Советского Союза.

Очевидно, что большинство исследователей отдают предпочтение европоцентристскому подходу к изучению завершающего этапа Холодной войны, а тем более к ее окончанию. Наше отношение к революционным событиям 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы как к событиям, повлекшими к глобальным трансформациям в масштабах всего мира несколько, на мой взгляд, преувеличено.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. Т. II: Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб.: Алетейя, 2013. 864 с.

История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Наука, 2007. 397 с.

Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2015. 952 с.

Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.

Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Конец 1960-х–1980-е гг. М.: Издательство Московского университета, 2013. 400 с.

Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с.

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX–начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.: Нестор-История, 2015. 480 с.

Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat. URL: <https://news.gallup.com/poll/247100/majority-americans-consider-russia-critical-threat.aspx> (дата обращения – 31 августа 2019 г.).

Sebestyen V. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire.* Phoenix, 2010. 451 p.

The End of the Cold War: Its Meaning and Implications/ Michael J. Hogan, ed. New York: Cambridge University Press, 1992. 294 p.

The 1989 Revolutions in Central and Eastern Europe: From Communism to Pluralism/ Kevin McDermott, Matthew Stibbe, ed. Manchester University Press, 2015. 304 p.

REFERENCES

- Anatomiya konfliktov: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa: Dokumenty i materialy poslednei treti XX veka. Tom II. Vtoraya polovina 1980-kh – nachalo 1990-kh godov* [Anatomy of Conflict: Central and Southeast Europe: Documents and Materials from the Last Third of the 20th Century. Volume II: The second half of the 1980s–early 1990s]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2013. 864 p. (in Russian).
- Istoriya antikommunisticheskikh revolyutsii kontsa XX veka: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa* [The history of the anti-communist revolution of the late twentieth century: Central and Southeast Europe]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 397 p. (in Russian).
- Konets epokhi. SSSR i revolyutsii v stranakh Vostochnoi Evropy v 1989–1991 gg. Dokumenty* [The end of an era. USSR and revolutions in the countries of Eastern Europe in 1989–1991. Documents]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. 952 p. (in Russian).
- Otvechaya na vyzov vremeni. Vneshnyaya politika perestroiki: dokumental'nye svidetel'stva. Po zapisyam besed M. Gorbacheva s zarubezhnymi deyatelyami i drugim materialam* [Responding to the challenge of time. Foreign policy adjustment: documentary evidence. According to the recordings of M. Gorbachev's conversations with foreign figures and other materials]. Moscow: Ves Mir Publ., 2010. 944 p. (in Russian).
- Protestnye dvizheniya v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: Konets 1960-kh–1980-e gg.* [Protest movements in Central and Southeastern Europe: Late 1960s–1980s]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 2013. 400 p. (in Russian).
- Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: 20 let spustya* [Revolutions and reforms in Central and Southeast Europe: 20 years later]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 775 p. (in Russian).
- Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Konets XX–nachalo XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologicheskii spravochnik* [Central and Southeast Europe. The end of XX–beginning of XXI centuries. Aspects of socio-political development. Historical and political science directory]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2015. 480 p. (in Russian).
- Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat.* Available at: <https://news.gallup.com/poll/247100/majority-americans-consider-russia-critical-threat.aspx> (accessed 31 August 2019).
- Sebestyen V. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire.* Phoenix, 2010. 451 p.
- The End of the Cold War: Its Meaning and Implications* / Michael J. Hogan, ed. New York: Cambridge University Press, 1992. 294 p.
- The 1989 Revolutions in Central and Eastern Europe: From Communism to Pluralism* / Kevin McDermott, Matthew Stibbe, ed. Manchester University Press, 2015. 304 p.

«КАРТА ПАМЯТИ» ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В.Ю. Апрыщенко

Аннотация. Текст дискуссии связан с проблемой коллективной памяти о «глобальном 1989». Автор анализирует различные факторы, оказавшие влияние на коллективную память Центрально-восточной Европы после распада Социалистического блока. Теоретические рамки работы связаны с идеями Мориса Хальбвакса о коллективной памяти и социальных контекстах. Автор считает, что многочисленные юбилейные торжества, организованные в странах Центрально-восточной Европы в 2009 г., призваны были сконструировать новые мемориальные нарративы. Новое понимание европейского прошлого формировались в то же самое время, что и конструировалась постсоветская российская идентичность. Новый восточно-европейский нарратив противоречил российской идее о ней как о «Великой державе». В то же самое время «глобальный 1989» сам становится «местом памяти» так как включает множество индивидуальных и коллективных воспоминаний, формировавших национальную память. Автор приходит к выводу о том, что «исчезающее» прошлое 1989 года может способствовать профессионализации истории — так, как это произошло в XIX в. в период нации-строительства.

Ключевые слова: коллективная память, Центрально-восточная Европа, европейское прошлое, идентичность, профессионализация истории, нации-строительство.

Апрыщенко Виктор Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, victorapr@sfedu.ru.

“MAP OF MEMORY” OF CENTRAL-EASTERN EUROPE

V.Yu. Apryshchenko

Abstract. The text for the discussion concentrates on the issue of the collective memory of the “Global 1989”. The author deals with the various factors of Central-East European mnemonic constructions after the fall of Socialist Block. The theoretical framework of the article includes Maurice Halbwachs concepts of “collective memory” and “social contexts”. The author considers that in 2009 in countries of Central-Eastern Europe several celebrations were organized to construct new mnemonic narratives. This new understanding of the European past has been forming at the same time that Russian post-Soviet identity shaped. New East European narrative contradicted to Russian idea of itself as a Great Power. At the same time, “Global 1989” itself is becoming lieu de memoire as it includes numerous individual and collective remembrances that form a national memory. Finally, the author concludes that suddenly “disappearing” 1989 past can promote the professionalization of history as it was in the 19th century in the period nation-building.

Keywords: collective memory, Central-Eastern Europe, European past, identity, professionalization of the history, nation-building.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ВСПОМНИТЬ ВСЕ?

То, что памятью обладают не только отдельные представители *homo sapiens*, но и группы людей, известно уже давно. Когда в 1882 г, французский мыслитель Эрнст Ренан читал свою знаменитую лекцию «Что такое нация», то уже тогда он рассматривал коллективную память в качестве одного из ресурсов сплочения нации [Ренан, 1902, с. 87–101]. Через несколько десятилетий еще один француз, социолог Морис Хальбвакс, ввел само понятие «коллективная память», которая, как он полагал, не сводима к сумме индивидуальных памятей отдельных членов общества, но является результатом своего рода проекта по созданию или воссозданию прошлого [Хальбвакс, 2005, с. 8–27]. Иными словами, коллективное прошлое, а точнее то, что мы знаем о нашем прошлом – это всегда результат определенных действий, которые принято называть политикой памяти.

Наконец через несколько десятилетий после того, как Хальбвакс создал свою теорию, третий француз Пьер Нора предложил концепцию «мест памяти». В своей книге «Франция. Память» он выдвинул аргументированные предположения о том, что прошлое производится и хранится в таких местах как музеи, архивы, исторические монументы и памятники погибшим воинам [Франция-память, 1999, с. 17–50]. Становясь предметами государственной политики, эти места способствуют тому, чтобы общество помнило или забывало то, что ему нужно помнить или забывать. Забвению здесь принадлежит такая же роль, как и памяти, а в некоторых случаях именно коллективная способность забывать выполняет терапевтическую функцию, обеспечивая жизнеспособность социального организма. История, как известно, это не только славные победы, но и горестные поражения. А поэтому способность забывать трагические эпизоды прошлого содержит в себе механизм излечения травмы, и современные государства способны предложить целый арсенал средств, чтобы общество, вспоминая / забывая прошлое, чувствовало себя комфортно.

Политика памяти, осуществляемая всеми государствами посредством законодательства, может иметь прямой или косвенный характер. Иногда напрямую, посредством принятия законодательных актов вроде законов об исторической памяти или актов, направленных на борьбу с искажением истории, государство определяет свое отношение к тому, что следует или не следует помнить. В других случаях средством мемориальной политики является, например, система образования, в которую интегрируются / реинтегрируются нарративы, позволяющие удерживать в коллективном сознании те или иные сюжеты прошлого. Однако повсюду политика памяти преследует одинаковые цели – посредством переработки прошлого, апеллируя к знакомым образам исторических персонажей и решая задачу излечения коллективных травм, она готовит почву для будущего развития.

Коллективная память является предметом управления. Средствами такого мемориального менеджмента в доинтернетовскую эпоху являлись система образования, средства массовой информации и профессиональное историописание в лице ученых-историков. С появлением же и развитием интернет-технологий, когда

монополия на информацию перестала быть уделом элит, в первую очередь, политических и интеллектуальных, мемориальный менеджмент стал относительно сложным занятием. В условиях информационного бума разные версии прошлого превращаются в конкурирующие нарративы, порождая войны памяти, трофеем в которых становится разделяемый большинством вариант прошлого. Однако, как показывает практика, упоение победой не длится слишком долго, и возникающие перед современностью вызовы провоцируют новые «войны памяти». Вероятно, поэтому проблема обращения с прошлым стала предметом пристального внимания властей всех государств, которые полагают коллективную память важным ресурсом дальнейшего развития. Коллективная память общества, таким образом, способна рассказать гораздо больше о нас современных, чем о том, что было прежде.

ОТЯГОЩЕННАЯ ПАМЯТЬЮ: ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Пожалуй, нет сегодня на планете места, которое больше, чем Центрально-восточная Европа (ЦВЕ) за последнее столетие испытало такое количество катастроф. Именно этим обуславливают различия коммеморативных практик о «глобальном 1989». Кроме того, десятки народов, проживающих на относительно незначительной, если не считать Россию, территории, многочисленные конфессии и культуры, история которых то пересекалась, иногда естественным образом, а иногда — по прихоти правителей, то резко расходилась в разные стороны — все это создает ситуацию тревожной коммеморативной неустойчивости. Дополнительным фактором турбулентности, в том числе и на уровне коммеморативных практик, в последние несколько столетий стало и соперничество великих держав, имперские амбиции которых также пересекались в разных уголках ЦВЕ. Все конфликты, разворачивающиеся в пространстве политик, нашли выражение в коллективной памяти региона, который, как порой кажется, до сих пор находится в плену прошлого.

Последние же несколько десятилетий стали квинтэссенцией всего того сложного и драматического, что ЦВЕ переживала ранее. Сначала Вторая мировая война, прокатившись по региону миллионами жертв, обеспечила себе прочное место в коллективной памяти как одно из самых трагических событий за всю историю региона. Затем Холодная война, в которой ЦВЕ было отведено место разменной монеты в торге двух сверхдержав, еще более усложнила коллективную травму народов, проживающих здесь. Наконец, «бархатные революции» 1989 г. и последовавшее вступление в ЕС открыли новую страницу в истории региона, но и породили массовые дискуссии о том, куда региону двигаться дальше и как строить отношения с соседями, среди которых Россия на протяжении столетий является самым влиятельным [Mark, 2010, Stokes, 1993].

Распад СССР в 1991 г. еще более усложнил ситуацию в регионе, за несколько лет ставшим пространством, где нации, в который раз обретшие независимость, вновь

привлекли внимание со стороны более крупных или наднациональных объединений. Процесс формирования наций, всегда сложный и драматичный, в ЦВЕ опять совпал с соперничеством «великих». Теперь ими стали ЕС и Россия. Присоединение к ЕС целого ряда стран бывшего соцлагеря нарушило тот исторический консенсус, который существовал в Европе относительно последствий Второй мировой войны, а также относительно истории послевоенного восстановления Европы, а значит — стал угрожать интересам России.

Наконец, определяющим стало и то, что после распада СССР Россия также переживает, и тоже уже не впервые, процесс формирования нации. И это неизбежно ведет к инструментализации истории и превращения ее в ресурс национального строительства. Создание в России своего рода «исторического фронта» еще раз подтверждает идею о том, что историческая политика — это повсюду важная часть внутренней политики и международных отношений. И в России, и в других регионах Европы две основные и взаимосвязанные функции исторической политики являются определяющими в последнее десятилетие — это формирование идентичности и сплочение общества вокруг власти, а также реагирование на проблему вины. Освобождение от исторической ответственности облегчают формирование идентичности, не обремененной чувством ответственности и основанной на упоении «славным» прошлым. Чувство комфорта для общества оказывается важнее, чем чувство истины. Именно поэтому — история, память и национальная идентичность связаны самым тесным образом.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ:

ПОЧЕМУ, ВЫБИРАЯ ПРОШЛОЕ, МЫ ВЫБИРАЕМ БУДУЩЕЕ

Страны ЦВЕ находятся на пути создания своих национальных идентичностей, что обуславливает поиск враждебного «чужого». В этих «войнах памяти», вспыхнувших после распада соцлагеря и СССР, Россия скорее защищает свой официальный нарратив, восходящий еще ко времени окончания Второй мировой войны, подвергаясь при этом нападкам со стороны бывших братских республик. Нарратив, свято оберегаемый Кремлем, связан с убежденностью, что победа над фашизмом закрепила статус СССР и его наследницы России в качестве великой державы, и оспаривать этот статус означает оспаривать результаты Второй мировой войны.

Однако российскому гранд-нарративу противостоит не менее могущественный и все более набирающий силу с 1990-х гг. восточно-европейский, в основе которого лежит стойкое убеждение, что, освободившись от фашистского ига, ЦВЕ попала под советский гнет. В такой трактовке результатов войны сказывается разница подходов к тому, что такое «освобождение». Для многих на Западе «освобождение», связанное с окончанием Второй мировой войны — это восстановление демократии, ставшее возможным в результате победы Западных союзников и уничтожения «коричневой чумы». И тогда послевоенное восстановление ЦВЕ может быть всем, чем угодно, но не освобождением.

С таким пониманием своего места в европейской истории связаны мероприятия, прошедшие в 2009 г. в большинстве стран ЦВЕ, посвященные «бархатным революциям» 1989 г. Однако 1989 г. стал лишь поводом для целого ряда мемориальных событий, где связанными воедино оказались и факты гитлеровской оккупации, и «бархатные революции», и антисоветские восстания 1956 и 1968 гг., и присоединение к единой Европе 2004 г. Коллективная память обладает потрясающей способностью интегрировать события, отстоящие друг от друга на многие десятилетия, и использовать их в современных проектах.

Строя свои национальные идентичности, страны ЦВЕ подчиняют политику памяти задачам нации-строительства. 5 февраля 2009 г. в Колонном зале Польского сейма открылась конференция «Диалог, компромисс, согласие», в центре внимания которой находились позиции обеих сторон «Круглого стола» – переговоров между властями Польской Народной Республики и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», проходивших в Варшаве с 6 февраля по 5 апреля 1989 г. На конференции была сделана первая попытка «примирения» с прошлым, так как позиции обеих сторон рассматривались как разные варианты демократизации Польши.

В 2004 г., в год, когда к ЕС присоединились одновременно 10 стран, в Румынии был создан Институт Румынской революции декабря 1989 г. В него вошли бывшие участники событий 1989 г., близкие к президенту Иону Илиеску, который в том же году, оставив пост президента Румынии, был избран президентом Института. Сама Румыния присоединилась к ЕС в 2007 г. 21 декабря 2009 г. в Бухаресте состоялся марш, посвященный героям событий 22 декабря 1989 г., когда пал режим Николае Чаушеску. За неделю до этого в Румынии прошли президентские выборы, в которых 1989 г. был доминирующей темой политических дискуссий. Память оказалась связанной с электоральным циклом и была включена в официальную политическую повестку дня. Вся румынская история периода строительства социализма полагалась участниками этого проекта как путь к 1989 году [Stan, 2013].

В 2009 г. Латвия, Литва и Эстония отмечали двадцатилетний юбилей «Балтийского пути», мирной акции, проведенной 23 августа 1989 г., и посвященной пятидесятилетию заключения пакта Молотова-Риббентропа. Тогда жители трех республик создали единую живую цепь протяженностью 600 км, объединившую Таллин, Ригу и Вильнюс. Юбилей юбилея, отмеченный в 2009 г., означал, что само памятное событие становится предметом памяти. По мнению ряда историков, «в случае постсоветской Балтии, политика памяти породила «истинную» историю, основанную на общем понимании коллективной жертвенности в период советского власти, и это исключило русскоговорящее меньшинство из памяти сообщества, строящего новую государственность» [Bruggemann, 2008, с. 425–448].

На вильнюсской конференции «Европейские истории» в 2009 г. президент Литвы Валдас Адамкус подчеркивал, что 8 мая 1945 г. Литва, как и многие другие страны ЦВЕ лишь сменили угнетателя. Окончание войны в современной исторической памяти ЦВЕ является ключевым событием вокруг которого строятся новые

нарративы. В рамках такого понимания прошлого в Латвии и Эстонии создаются музеи советской оккупации, основной задачей которых является показать «политическую симметрию» двух тоталитарных режимов XX века — немецкого и советского. В мае 2006 г. музей советской оккупации был открыт в Тбилиси, тогда же в Украине по польской модели был учрежден Институт национальной памяти. В тот же период 28 июня в Молдове был провозглашен Днем советской оккупации.

В июне 2009 года в Будапеште прошли торжества по случаю двадцатилетия «бархатной революции» и начала строительства демократии в Венгрии. В этих празднованиях события 1956 г. и 1989 г. многими рассматривались как звенья одной цепи. Более того, именно за собой многие венгры числят роль тех, кто пробил брешь в Железном занавесе и Стене, разделяющей Западную и Восточную Европу. Однако после 2006 г. относительно 1989 г. в лексике венгерской оппозиции появился оборот «так называемый переход к демократии» и «так называемая смена режима».

При отсутствии драматических политических потрясений, в 2009 г. в Болгарии была организована серия интервью с политиками, принадлежащими к двум группам. С одной стороны, теми, кто в 1989 г. принадлежал к высшей партийной номенклатуре, а с другой — оппозиционными антикоммунистическими деятелями, расцвет активности которых пришелся уже на 1990-е гг. Серия этих интервью продемонстрировала два соперничавшие нарратива, разделившие болгарское общество.

В Кремле это представляется атакой на свято оберегаемый образ России как великой державы. Этот статус особенно важен для Москвы как ответ тем, кто считает, что после поражения в Крымской войне и вплоть до 1945 г. российское влияние в Европе находилось на спаде. Однако победа 1945 г. обернулось поражением 1989 г., когда в результате «бархатных революций» Советский Союз утратил свое влияние в регионе, и на смену ему пришло возрастающее влияние Европейского Союза. В отличие от своих восточно-европейских соседей современная Россия отвергает взгляд на ЕС как нормативную силу и отказывается признавать его стандарты и ценности. Европейскому нарративу Россия противопоставляет собственный, претендуя на роль хранительницы истинных европейских ценностей. Когда Москва призывает бороться с возрождением фашизма в Европе, в частности, в Украине, она позиционирует себя в качестве носителя этих европейских ценностей, отвоеванных в годы Второй мировой войны. А значит, выступая против ревизии итогов той войны, Россия отстаивает свой взгляд на то, что такое Европа.

Любой мемориальный конструкт основывается на системных ценностях, а коллективная память вне этих ценностей просто не существует. И нации российской, и другим нациям, проживающим на территории ЦВЕ, необходим миф, вокруг которого общество сплотится для достижения великих целей. Для успешного развития необходимо хотя бы минимальное согласие по базовым ценностям, которое укоренено в исторической памяти. Созданный в СССР в 1960-е гг., миф о Великой Отечественной войне, где память о войне со всем, что ее сопровождает — жертвенностью тысяч, миллионами погибших, хаосом эвакуации — был заменен памятью о

победе, успешно эксплуатировался советской властью и был унаследован современной Россией. Поскольку России не удается достичь согласия по основным эпизодам ее прошлого, миф о победе используется как социальный клей. Опасность здесь заключается лишь в том, что «национализация» истории, неизбежно ведет к «притягиваю» прошлого к задачам современности. Национальный партикуляризм сводит воедино зачастую соперничающие памяти, порождая взаимоисключающие истории, и позиционируя тех, кто не вписывается в национальные рамки, в качестве чужих. Эксклюзивистские нарративы исторической памяти всегда контрпродуктивны.

QUO VADIS, HISTORIA?

«Глобальный 1989» стал «местом памяти», по крайней мере, начиная с 2009 г., когда отмечался его двадцатилетний юбилей. Память о «1989» имеет несколько измерений. С одной стороны, коммеморативные практики о событиях тридцатилетней давности создают эффект глобальности происходившего, поскольку позволяют связать разрозненные события в единую интеллектуальную сеть. И тогда «глобальный 1989» предстает не как череда политических потрясений, а как результат «работы памяти», проделанной в последние тридцать лет, направленной на изживание травмы.

Вместе с тем, «глобальный 1989 г.» является и фактором, способным объяснить статус современного исторического знания. По мнению Пьера Нора, «история, а точнее история национального развития, составила одну из самых сильных наших коллективных традиций, нашу среду памяти *par excellence*. От средневековых хронистов до современных историков «глобальной» истории вся историческая традиция развивалась как заданное упражнение для памяти и как ее спонтанное углубление, восстановление прошлого без лакун и трещин... Все великие попытки пересмотра истории стремились расширить пространство коллективной памяти» [Франция-память, 1999, с. 21].

Но в процессе самокритицизма и проверки практик историописания на прочность в историческом знании произошли и более серьезные изменения. Согласно П. Нора, историописание имеет дело, в первую очередь, с сомнением, проходя по лезвию бритвы между стволом памяти и корой истории. В этом процессе история отказывается от своих притязаний на высказывание достоверных смыслов, как и на то, чтобы представлять национальную идентичность, которая отныне имеет более широкую основу, связанную с трансформацией всего общества, становясь множественной, противоречивой и не соответствующей какому-либо одному предмету из прошлого или настоящего. Все, что остается историкам, это создание «среды памяти». Уроки коммеморативного «1989» состоят в том, что анализ «мест памяти», таких же множественных и противоречивых, как и сама идентичность, демонстрирует невозможность создания единых национальных нарративов.

Если «места памяти», вроде «1989», остаются единственным, с чем имеет дело историк, создавая ситуацию невозможности конструирования национальной

истории, этот эпистемологический вакуум, вероятно, и составляет основу профессионального ремесла историка. Это стало совершенно очевидным с конца XX в. — с краха Советского Союза и Восточного блока, началом активной глобализации и усилением миграции, — которые, стимулировав интерес общества к национальным историям, одновременно продемонстрировали разочарование историков в возможностях своего ремесла. В результате, массовый интерес к национальным нарративам стал удовлетворяться журналистами, любителями и политиками, которые возрождают практики историописания XIX в. Игнорирование профессиональными историками потребности широких слоев населения в увлекательном национальном прошлом, удовлетворяющем запрос широкой публики, приводит к вытеснению профессиональной истории на периферию общественной жизни, оставляя ей удел лишь незначительной аудитории.

Для национальных сообществ, следующих телеологическому принципу познания своего прошлого, уверенных в предначертанности своего существования, история становится интеллектуальной стратегией, призванной объяснить неизбежность их существования. Именно на этом основывались идеи и Карлейля об истории, которая «смотрит и в прошлое, и в будущее, поскольку грядущая эпоха уже ожидает, невидимая, но вполне сформированная, заранее определенная и неизбежная» [Fisher, 1936, с. 5].

Ускользающая история «глобального 1989» может, вероятно, способствовать новой профессионализации исторического знания, как это произошло и в XIX столетии в эпоху формирования национальных государств и поисков исчезающего прошлого, поскольку, по словам Мишеля Серто, «на этом отсутствии основывается исторический дискурс» [Michel de Certeau, 2002]. Сегодня же история вновь стоит перед старой проблемой того, какова ее роль в жизни наций, получивших новый стимул развития после падения социалистической системы и подвергаемых атакам со стороны глобализирующегося мира, и как судьбы национальных сообществ могут сказаться на будущем самой истории.

Одни исследователи видят выход из этой ситуации в перемещении национальной идентичности в плоскость исторической проблематики, ставя с центр своих работ проблемы империй, наций, роли истории в национальных системах образования. В этом случае, история и нация, отражаясь в зеркалах друг друга, будут выступать взаимолегитимирующими факторами. Другие — пытаются выйти за пределы национального дискурса в своих исследованиях и концентрироваться на наднациональном уровне проблем, используя компаративный метод и инструментализируя историю. Третьи — наоборот, редуцируют предмет исследования до локального или регионального уровня, следуя подходу, предложенному Карло Гинзбургом, стремясь разорвать связь между историей и нацией. Наконец, много и тех, кто адаптирует в своих работах методологию Пьера Нора, поставившего в центр своих исследований не столько историю, сколько память, что в большинстве случаев означает сужение поля профессиональной истории, которому могут противостоять научные исследования, посвященные таким спорным вопросам, как «глобальный 1989».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.

Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 325 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 8–27. URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения – 18 июля 2019 г.).

Bruggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the War of Monuments in Estonia // *Nationalities Papers*. 2008. № 36.

Fisher H.A.L. *A History of Europe*. L., 1936.

Mark J. *The Unfinished Revolution: Making Sense of the Past in Central-Eastern Europe*. New haven, CT: Yale UP, 2010.

Michel de Certeau *Le marcheur blessé*. Paris: La Decouverte, 2002.

Stan L. *Transitional Justice in Post-Communist Romania: The Politics of Memory*. Cambridge: Cambridge UP, 2013.

Stokes G. *The Wall Came Tumbling Down: The Collapse of Communism in Eastern Europe*. New York: Oxford UP, 1993.

REFERENCES

Renan E. Chto takoe natsiya? [What is a nation?], in Renan E. *Sobranie sochinenii v 12-ti tomakh* [Collected works in 12 volumes]. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiei V.N. Mikhailovskogo. T. 6. Kiev, 1902. Pp. 87–101 (in Russian).

Frantsiia-pamiat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Piuimezh, M. Vinok / Per. s fr.: Dina Khapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.

Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. № 2 (40–41). Pp. 8–27. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (accessed 18 July 2019).

Bruggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the War of Monuments in Estonia, in *Nationalities Papers*. 2008. № 36.

Fisher H.A.L. *A History of Europe*. L., 1936.

Mark J. *The Unfinished Revolution: Making Sense of the Past in Central-Eastern Europe*. New haven, CT: Yale UP, 2010.

Michel de Certeau *Le marcheur blessé*. Paris: La Decouverte, 2002.

Stan L. *Transitional Justice in Post-Communist Romania: The Politics of Memory*. Cambridge: Cambridge UP, 2013.

Stokes G. *The Wall Came Tumbling Down: The Collapse of Communism in Eastern Europe*. New York: Oxford UP, 1993.

КРУШЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ – НАЧАЛО ИЛИ КОНЕЦ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗАПАДА И ВОСТОКА?

Ю.А. Борко

Аннотация. Крушение Берлинской стены в ноябре 1989 г. стало символом перехода от эпохи холодной войны между Востоком и Западом к эпохе диалога, сотрудничества и соперничества в рамках мирного сосуществования двух альтернативных общественных систем – капиталистической и социалистической. Символом – да. Но реально переход от одной эпохи к другой не был и не мог быть одномоментным событием. Это был долгий процесс, прошедший несколько этапов. Начало ему положили видные западные ученые, выдвинувшие во второй половине 60-х гг. концепцию конвергенции двух общественных систем, и советский академик А.Д. Сахаров, опубликовавший в 1968 г. на Западе статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Вторым этапом стала «разрядка» в начале 70-х гг., завершившаяся подписанием Заключительного акта Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Третий этап оказался реверсным – разрядка сменилась новым обострением холодной войны, причем роль инициатора сыграл Советский Союз, установивший в конце 70-х гг. десятки ракет с ядерными боеголовками, нацеленными на европейские страны, входящие в НАТО, а в 1979 г. вторгшийся в Афганистан. Инициатором четвертого этапа в эволюции отношений Восток – Запад, начавшегося в 1985/86 гг. и на сей раз в высшей степени позитивного, вновь оказалась Москва. Новый советский лидер М.С. Горбачев кардинально изменил как внутреннюю, так и внешнюю политику, итогом которой и стало завершение эпохи идеологического и геополитического противостояния Востока и Запада.

Ключевые слова: идеология, геополитика, холодная война, социализм, капитализм, Запад, Восток, СССР, США, конвергенция, Берлинская стена, диалог общественности Восток-Запад, СБСЕ-ОБСЕ.

Борко Юрий Антонович, доктор экономических наук, профессор, первый президент российской Ассоциации европейских исследований (1992–2010), руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН, 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, yborko@mail.ru.

THE COLLAPSE OF THE BERLIN WALL – THE BEGINNING OR THE END OF THE IDEOLOGICAL AND GEOPOLITICAL STRUGGLE BETWEEN WEST AND EAST?

Yu.A. Borko

Abstract. The collapse of the Berlin Wall in November 1989 was a symbol of the transition from the Cold War between East and West to the era of dialogue, cooperation and competition in the peaceful coexistence of two alternative social systems: capitalist and socialist. The symbol is yes. But the real transition from one era to another was not and could not have been a momentary event. It was a long process that went through several stages. It was initiated by prominent Western researchers who in the second half of the 1960s put forward the concept of convergence between the two social systems, and the Soviet academician A.D. Sakharov, who in 1968 published an article in the West entitled "Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom". The second stage was the "détente" in the early 1970s, culminating in the signing of the Final Act of the Helsinki Conference on Security and Cooperation in Europe. The third stage turned out to be a reverse one - the discharge was replaced by a new aggravation of the Cold War, and the role of the initiator was played by the Soviet Union, which in the late 1970s installed dozens of missiles with nuclear warheads aimed at European countries that are members of NATO, and in 1979 invaded Afghanistan. Moscow was once again the initiator of the fourth stage in the evolution of East-West relations, which began in 1985/86 and this time was extremely positive. The new Soviet leader Mikhail Gorbachev radically changed both domestic and foreign policy, which resulted at the end of the era of ideological and geopolitical confrontation between East and West.

Keywords: ideology, geopolitics, cold war, socialism, capitalism, West, East, USSR, USA, convergence, Berlin Wall, East-West public dialogue, CSCE-OSCE.

Borko Yuri A., Doctor of Science (Economy), Professor, the First President of Russian Association of European Research (1992–2010), Director of the Center for Documentation of the EU Institute of Europe RAS, 11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia, yborko@mail.ru.

Я решительно не согласен с Майклом Хоганом в том, что крушение Берлинской стены в конце 1989 г. стало началом крушения эпохи идеологической и геополитической борьбы между Советским Союзом и США, Россией и Западом. Символом начала новой эпохи — да. Потому что событие, случившееся 9 ноября 1989 г. в Берлине, было уникальным. Открылись Бранденбургские ворота, 28 лет рязделявшие две части города. Сотни тысяч западных и восточных берлинцев смешались в единую толпу, обнимались, целовались, смеялись и плакали. Все последующие дни и недели картина этого братания снова и снова воспроизводилась на теле- и киноэкранах, ее наблюдали сотни миллионов людей, и ее смысл был им понятен: вот он — конец противостояния двух ядерных «сверхдержав» и холодной войны.

Но утверждать, что это событие было началом конца эпохи идеологической и геополитической борьбы между Западом и Востоком, равносильно утверждению, что сначала разрушили Берлинскую стену, а потом те, кто это сделал, стали обсуждать, зачем они это сделали. Нонсенс! Путь к смягчению, а затем и преодолению идеологического и геополитического противостояния Востока и Запада начался на рубеже 1960-х–1970-х гг. На международно-политическом уровне первым важнейшим событием на этом пути было Общеввропейское совещание по безопасности и сотрудничеству, состоявшееся 1 августа 1975 г. в столице Финляндии и завершившееся подписанием Хельсинкского акта [Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе]. Его участники договорились о правилах игры, основанных на сбалансированных взаимных компромиссах. И хотя первый “*detente*” вскоре сменился новым обострением холодной войны, от Хельсинкского акта никто не отказался. Новая тенденция в области идеологических ристалищ обозначилась и на общественно-научном уровне. В 1960-х–1970-х гг. на Западе было опубликовано несколько фундаментальных работ, авторы которых рассматривал процессы мирового развития в послевоенные десятилетия как постепенную конвергенцию двух общественных систем — капиталистической и социалистической. В числе авторов — крупнейшие экономисты и политологи, такие как Джон Гэлбрейт [Гэлбрейт, 2004], Ян Тинберген [Тинберген, 1980], Франсуа Перру и другие не менее маститые западные ученые. Советское обществоведение с его марксистско-ленинской теорией общего кризиса капитализма объявило концепцию конвергенции антинаучной. Тем более неожиданной и изумившей весь мир была статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», опубликованная в июле 1968 г. сначала в вечерней голландской газете, а затем, 22-го, в газете «The New York Times» [Сахаров, 1996; New York Times]. Изумила по той причине, что принадлежала академику А.Д. Сахарову. Советский ученый, причем один из главных творцов водородной бомбы, выступал как единомышленник западных ученых. Статью перепечатали десятки газет и журналов во множестве стран, на всех континентах. По данным Международной книжной ассоциации, их общий тираж в 1968–1969 гг. составил 18 млн экземпляров, на третьем месте после Мао Цзэдуна и Ленина, впереди Ж. Сименона и Агаты Кристи. Для западной общественности, готовой к конструктивному диалогу, это был важный сигнал: за монолитным фасадом советской политической системы есть немало людей с иным менталитетом — *инакомыслящие*.

Решающий прорыв к завершению эпохи идеологического и геополитического противостояния Запада и Востока произошел во второй половине 1980-х гг. Вызван он был фактором фундаментального значения – полностью исчерпала свой потенциал модель социализма, созданная в Советском Союзе и навязанная всему социалистическому содружеству, особенно странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Новый лидер КПСС М.С. Горбачев провозгласил в 1986 г. курс на Перестройку политической и экономической системы в стране и новую внешнюю политику. Более того, вскоре он провозгласил в стране Гласность, отменив цензуру и монополию марксистско-ленинской идеологии. В 1987 г. М.С. Горбачев выдвинул идею строительства «Общего европейского дома», а 7 декабря 1988 г., выступая на Генеральной Ассамблее ООН, изложил концепцию взаимоотношений между государствами с различными общественными системами и политическими режимами, которая будет положена в основу внешней политики СССР. «Свобода выбора, – заявил он, – всеобщий принцип, и не должен знать исключений. К выводу о непреложности этого принципа мы пришли не просто из добрых побуждений. К нему нас привел и беспристрастный анализ объективных процессов нашего времени. Все более ощутимым их признаком становится растущая многовариантность общественного развития разных стран. Это касается и капиталистической, и социалистической систем. Об этом же говорит и разнообразие общественно-политических структур, выросших в последние десятилетия из национально-освободительных движений. А этот объективный факт предполагает уважение к взглядам и позициям других, терпимость, готовность воспринимать иное не обязательно как плохое или враждебное, способность учиться жить бок о бок, оставаясь разными и не во всем согласными друг с другом» [Выступление М.С. Горбачева в ООН].

По сути, Михаил Сергеевич противопоставил этот принцип императивам идеологической борьбы и геополитики. Несколько раньше, в 25 июня в Люксембурге была подписана Декларация об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС [Документы, касающиеся взаимоотношений..., 1994, с. 9–10], советское посольство в Бельгии уведомило Комиссию Европейских сообществ о намерении Правительства СССР установить официальные отношения с сообществами [Документы, касающиеся взаимоотношений..., 1994, с. 11]. В 1989 г. СССР и три сообщества заключили Соглашение о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве [Документы, касающиеся взаимоотношений..., 1994, с. 12–31].

Такого же рода процессы развивались в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). В 1989 г. в них произошли демократические революции, в Венгрии и Польше – еще до падения Берлинской стены, в ГДР, Чехословакии, Болгарии и Румынии – в ноябре-декабре, во всех государствах, кроме Румынии, мирным путем, а в ней – после продолжавшихся в течение суток боев в Бухаресте. Все эти государства встали на путь восстановления рыночной экономики и построения политической демократии по западноевропейским образцам, с перспективой вступления в Европейское сообщество.

В целом, как явствует из предельно краткого обзора событий и перемен, происходивших в СССР и странах ЦВЕ, завершающий период эпохи идеологической и

геополитической борьбы между Западом и Востоком приходится на 1986–1989 гг. Здесь в недрах общества формируется оппозиция, которая переосмысливает уходящую эпоху, отвергает идеологию и политику конфронтации с Западом, меняя ее на идеологию и политику сотрудничества с ним. Во всех этих странах вместо старых партийно-государственных элит возникают новые элиты, готовые к практическому решению задач новой внутренней и внешней политики.

Одновременно, в неразрывной связи с этими процессами стремительно развиваются контакты между теми общественными кругами на Западе и Востоке, которые на практике стали осуществлять идею преодоления идеологической и геополитической конфронтации. К сожалению, нет ни обобщенных данных о динамике и масштабах таких контактов, ни аналитических работ на эту тему. Несомненно одно: такие контакты возросли в десятки раз и стали повседневностью.

О том, как конкретно развивался этот процесс, мне хорошо известно, поскольку я активно участвовал в развитии контактов и установлении постоянных научных связей между советскими и западными учеными-обществоведами.

В декабре 1987 г. мне довелось принять участие в первом Форуме общественности Востока и Запада, состоявшемся в Гентском университете (Бельгия). Более того, мне неожиданно пришлось сыграть посредническую роль в его организации. Началось все с того, что в январе 1987 г. я прибыл по приглашению в целях научного сотрудничества во фламандский Свободный университет Брюсселя (ФСУБ) и на второй день познакомился с преподававшим в нем профессором Марком Мареско. Основным местом его работы был Гентский университет, где он, блестящий специалист по международному и европейскому праву, возглавлял Европейский институт. Мы рассказали друг другу, чем мы занимаемся, и он пригласил меня провести вечер в ресторане. Там профессор поведал мне о письме, которое он отправил советскому послу в Бельгии Ф.П. Богданову. В письме был изложен проект первого форума общественности Востока и Запада, который он предлагал провести в Генте. В письме подчеркивалось, что организаторы форума считают особенно важным участие в нем советской делегации. Идет уже третья неделя, пожаловался Марк, а от посла нет ответа.

На следующее утро я позвонил в наше посольство, рассказал о разговоре и спросил, не может ли меня принять Феликс Петрович Богданов. После короткой паузы мне ответили, что посол ждет меня. Я тотчас же приехал и рассказал о профессиональной деятельности Мареско, в том числе о том, что он является экспертом Комиссии ЕЭС по вопросам международного и европейского права и что он произвел на меня хорошее впечатление. Посол задумчиво произнес: мы согласимся, а форум по каким-то причинам не состоится. Это будет их вина, ответил я, и наши дипломаты, наши журналисты используют это по максимуму. Ладно, заключил посол, завтра пошлю письмо профессора Мареско в Москву и сообщу ему об этом. Вернувшись в Москву, я повторил свой рассказ заместителю председателя Госкомитета СССР по внешнеэкономическим связям Ивану Дмитриевичу Иванову,

с которым в 1960-е гг. мы работали в редакции журнала «МЭиМО» и были в дружеских отношениях. На этом я счел свою миссию законченной. Летом я получил от Марка письмо, он сообщал, что подготовка форума идет полным ходом, а затем прислал мне персональное приглашение участвовать в нем. Гентский коллоквиум под названием «Политические и правовые рамки торговых отношений между Европейским Сообществом и Восточной Европой», был очень интересным и успешным, я не раз вспоминал о нем.

Я очень хорошо помню самое начало форума. В каком-то смысле это была встреча инопланетян, которые рассматривали друг друга со смешанными чувствами, прежде всего, с любопытством, которому сопутствовали недоверие и отчужденность — у одних, доброжелательность и даже эйфория — у других. Но, в общем, за два дня, отведенных на встречу, климат быстро потеплел. Участники форума общались на кофе-брейках и особенно на ланчах и ужинах, чему помогли его организаторы, расставившие на столах таблички с именами таким образом, чтобы все сидели попеременно. Вторая половина первого дня была отведена для докладов участников, представлявших социалистические страны Восточной Европы. Мне больше всего понравились выступления двух венгров — блестящего специалиста в области европейского и международного права Ференца Мадла и экономиста Петера Балаша. Потом я неоднократно встречался с ними на конференциях в Брюсселе, Будапеште, Санкт-Петербурге и где-то еще, и у нас установились дружеские отношения. Тягостное впечатление оставил доклад представителя ГДР, превозносившего успехи социалистической экономики и социалистической демократии в своей стране и всем содружестве стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Все его выступление сопровождал шумок тихо общавшейся аудитории. О чем-то оживленно разговаривали и три человека, сидевших в президиуме: проф. Мареско, член Комиссии Европейских сообществ Вилли де Клерк, ответственный за внешние связи ЕЭС, и Умберто Аньелли, младший из двух братьев Аньелли, итальянских магнатов, владельцев империи «Фиат», принявших участие в финансировании Гентского форума.

Последним выступал И.Д. Иванов. В программе форума был указан его статус, и его выступления ждали с особым интересом. Когда он встал и вышел немного вперед, шумок стих, а после двух-трех его фраз в зале наступила абсолютная тишина. Замерли и те, кто сидел в президиуме. Иван Дмитриевич откровенно и жестко обрисовал плачевное состояние советской экономики и закончил доклад двумя тезисами: наша экономика нуждается в глубокой реформе, и одним из важных условий ее успеха является развитие экономического сотрудничества с западными промышленно развитыми странами. Такого выступления советского представителя, фактически в ранге министра, не мог ожидать никто, и аудитория разразилась аплодисментами. Второй день прошел в дружественной атмосфере и завершился вечером роскошным прощальным банкетом. И.Д. Иванов и Вилли де Клерк появились только на банкете. Весь день они и входивший в советскую делегацию секретарь СЭВ В. Сычев разрабатывали проект Меморандума о взаимном признании

и установлении официальных отношений СЭВ-ЕЭС и СССР-ЕЭС. Несколько месяцев ушло на согласование текста между всеми государствами-членами ЕЭС и между участниками СЭВ. Как уже было сказано, Меморандум был подписан в июне 1988 г.

По-своему примечательной была и упомянутая выше научная стажировка в январе 1987 г. во ФСУБ. Прибыл я по приглашению заведующего кафедрой международного права юридического факультета проф. Барта де Схютера. Пришел к нему на следующее утро после приезда, а дальше произошла занимательная история, которая началась для меня ушатом холодной воды, а закончилась братанием. Профессор спросил, каковы мои намерения. Я ответил, что хотел бы не только поработать в библиотеке, но и встретиться с руководителем отдела внешней торговли Комиссии Европейских сообществ. В ответ я услышал, что устроить посещение Комиссии очень трудно, на это уйдет пара недель, а пока со мной хотят встретиться несколько профессоров. Научную литературу я могу заказать, мне принесут ее в отведенный мне кабинет, а помогать мне будет молодой ассистент Тони Йорис. Первая встреча с одним из профессоров состоялась в тот же день, а следующие два дня я встретился с ними – утром и после ланча.

К концу третьего дня я сообразил, что меня элементарно экзаменуют, и это меня взбесило. Отправляясь следующим утром на кафедру, я собирался устроить скандал, но в коридоре меня встретил Тони и сообщил, что «шеф» с нетерпением ждет меня. Встретил он меня разве что не с объятьями и повторил вопрос, заданный при первой встрече. Я проглотил приготовленный «спич» и напомнил о моем желании посетить Комиссию. Нет ничего легче, ответил профессор, Тони всех знает там и устроит Вам приглашение в ближайшие дни, а у меня большая просьба, не согласитесь ли Вы прочесть лекцию в моем семинаре о том, что происходит в вашей стране, о Михаиле Горбачеве, его внутренней и внешней политике. Я согласился. Через пару дней состоялась моя первая лекция в западной молодежной аудитории, и прошла она вполне благополучно. О дальнейшем не рассказываю. Дни были насыщенными и пролетели быстро. На прощание сотрудники кафедры устроили роскошный ужин. «Барт, – спросил я, – зачем Вы устроили мне экзамен? Я догадался на третий день и был взбешен». – «Юрий, – ответил он. – Вы были первым советским человеком, появившимся на нашей кафедре. Мы были так напичканы рассказами о русских шпионах, что решили проверить, кто Вы на самом деле. Наши профессора не ожидали увидеть советского ученого с такими знаниями о европейской интеграции и такой свободой суждений о том, что происходит в вашей стране».

Переходя от частного к общему: Гентский форум был одним из свидетельств коренного перелома в сфере научных связей между советскими и западными учеными-обществоведами. Нас стали постоянно приглашать на научные форумы, организуемые западными университетами и исследовательскими центрами, а также государственными ведомствами и фондами, содействующими развитию международных научных связей. Приглашали также в качестве *visiting*-профессоров и для участия в совместных научных проектах. Что касается советской стороны, то главной переменной стало позитивное, отношение государства к контактам наших

ученых с западными коллегами. Мы, ученые, почувствовали это по тому, как нас теперь принимали в Отделе внешних сношений Президиума АН СССР. Встречали приветливо, процесс принятия решения – разрешить или отказать – был значительно упрощен и по времени сокращен в разы.

Одной из перспективных форм развития международных научных связей стало подписание соглашений между АН СССР или входящими в нее институтами с западными научными организациями, ведомствами, университетами и исследовательскими центрами. По этому пути пошел и ИНИОН, в котором я тогда работал. В 1987 г. ИНИОН заключил соглашение о развитии научных связей со Свободным университетом Западного Берлина (СУЗБ). Соглашение в высшей степени примечательное. Дело в том, что ни официальных отношений, ни каких-либо договоренностей об экономическом или каком-либо ином сотрудничестве между СССР и Западным Берлином не существовало. Москва не признавала Западный Берлин как единое целое; признавали только три зоны, в которых расположены воинские контингенты США, Великобритании и Франции, и ничего более. Но двухмиллионный Западный Берлин существовал; его безопасность гарантировали три государства – члены НАТО, его жизнеобеспечение – Западная Германия. Город стал частью ее экономического, социального и правового пространства. В частности, это относилось и к пересечению его границ. Визы на выезд его жителей за рубеж и визиты иностранцев в город оформлялись в западногерманских консульствах. И поскольку для советского руководства этот порядок был неприемлем, нашим гражданам после сооружения в 1962 г. берлинской стены путь в западную часть города был закрыт нашими же властями. Но в изменившихся международных отношениях ИНИОН сумел пробить брешь и подписать соглашение о сотрудничестве с СУЗБ. В решающей степени это была заслуга директора, академика В.А. Виноградова, который пользовался доверием и поддержкой не только в Президиуме АН СССР, но и в партийных «верхах».

В общем, осенью 1987 г. в ИНИОН прибыла на стажировку группа студентов СУЗБ, которую возглавляли два профессора – Аннелоре Хорн (*Annelore Horn*) и Михал Рейман (*Michal Reiman*). В один из дней я стоял в гардеробе главного здания ИНИОН, чтобы получить плащ и отправиться домой. В этот момент в здание ввалилась группа девушек и юношей, говорящих по-немецки, я обернулся посмотреть на них и замер – на меня смотрел мой друг со студенческих лет на истфаке МГУ Миша Рейман. Смотрел, улыбался, и я с воплем «Миша!!!» ринулся к нему. Его биография заслуживает того, чтобы рассказать о ней. Михал Рейман, чех, сын одного из основателей чехословацкой компартии, женившегося на русской женщине. Миша родился в 1929 г. в Москве, детство и отрочество проходило то в Праге, то в нашей стране; школу и Истфак окончил в Москве, уехал в Прагу и работал в Институте истории, специализируясь на изучении истории Чехословакии и России/СССР в XX в.

Во второй половине 1960-х гг. Михал примкнул к команде реформаторов во главе с Александром Дубчеком, решивших построить в стране «социализм с человеческим лицом»; после вторжения советских войск в Чехословакию был исключен из

компартии, изгнан с работы, а затем из страны и лишен чехословацкого гражданства; был приглашен работать в университет Западного Берлина, где совмещал научную деятельность и преподавание. Получил гражданство ФРГ. После августа 1968 г. он был внесен нашими «органами» в список лиц, которым запрещен въезд в СССР. Московские друзья Михала несколько раз посылали ему приглашения на организуемые у нас научные мероприятия, но советское консульство в ФРГ неизменно отказывало ему в визе. Михал опасался, что так может случиться и на сей раз, но мир воистину перевернулся, и мы, сидя вечером у меня дома, вспоминали былое, осмысливали настоящее и размышляли о будущем.

В начале 1988 г. я получил приглашение СУЗБ провести там месяц – выступить с лекциями перед преподавателями и студентами, ознакомиться с научными фондами его библиотеки и поработать над своим исследовательским проектом. Получив приглашение, я заявился в Отдел внешних сношений Президиума Академии и спросил, где смогу получить визу. «Как где? – ответили мне, – В консульстве ФРГ». – «Да, ведь раньше нельзя было». Мало ли что раньше было, пожал плечами мой собеседник, раньше и приглашение Вам не прислали бы. В Западный Берлин я прилетел в начале лета 1988 г. Не помню, каковы были мои планы, но точно могу сказать, что жизнь перечеркнула их с самого начала. Мой приезд вызвал в городе, без преувеличения, ажиотаж. Я был первым советским человеком, приехавшим в Западный Берлин по приглашению и в целях сотрудничества за все время его существования в качестве автономной территориально-административной структуры, то есть с конца 1940-х гг. Приглашения выступить посыпались в первые же дни – западноберлинский парламент, политические партии, вместе и порознь, объединение предпринимателей Западного Берлина, научные круги, студенты и молодежные организации. На всех встречах доминировали три темы: Что происходит в Советском Союзе? Что происходит в сфере сотрудничества и безопасности в Европе и как связаны происходящие здесь процессы с тенденциями в мировой экономике и политике? Каковы перспективы воссоединения Германии?

Не помню, что и где я говорил 30 лет назад. Везде подчеркивал, что представляю только самого себя, как независимого эксперта и советского гражданина. Везде объяснял, что являюсь членом КПСС, но в партии сегодня несколько течений, и я принадлежу к тому, которое выступает за ее преобразование в партию социал-демократического образца. Везде говорил о том, что поддерживаю курс М. Горбачева на Перестройку, но критически отношусь к некоторым его акциям во внутренней политике. Везде выступал в поддержку идеи «Общего европейского дома» и сближение с Европейским сообществом. Воспринимали меня по-разному. Большинство – позитивно. Думаю, не только потому, что не могло не одобрять того, что я говорю, но и благодаря моей манере разговаривать с аудиторией – не претенциозной и не императивной.

Однако на первом же выступлении у меня появился и оппонент. Такое уже случалось в предыдущих поездках в страны Западной Европы, но на этот раз оппонент был искусственный – сотрудник Института истории СУЗБ проф. Хельмут Вагнер. Работающий в этом же институте М. Рейман сказал мне потом, что его коллега является членом

Христианско-демократического союза (ХДС), входит в его самое консервативное крыло, крайний антикоммунист и антисоветчик, не чуждый русофобии. Профессор то и дело задавал мне вопросы, пытался обнаружить противоречия в моих взглядах и скрытый прокоммунистический подтекст. Он появился и на втором, третьем, может, и четвертом моем выступлении. Это была очень интересная баталия: Х. Вагнер непрерывно нападал, я был предельно терпелив и постоянен в моих контраргументах. Постепенно он стих. Скорее всего, понял, что никакого подтекста нет, и он встретился с новым для него типом советского человека, разделяющего европейские ценности — демократию, правовое и социальное государство, права личности.

Очень вероятно, что в эволюции наших отношений, пусть и с опозданием, важную роль сыграл эпизод, случившийся на моем выступлении перед западноберлинскими учеными. Когда я напомнил им о выдвинутой М.С. Горбачевым концепции «Общего европейского дома», один из сидевших в зале ученых задал мне вопрос, возможен ли общий европейский дом, если в его середине находится разделенная Германия, и советский лидер Михаил Горбачев заявляет, что она объединится через 50 или даже 100 лет¹. Зал замер. Я понял, что если отвечу какими-то уклончивыми фразами, то обесценю все, что сказал о себе раньше. Эта мысль родилась мгновенно. Зал ждал, и я ответил, что две Германии объединятся гораздо скорее. Замолчал. И после паузы медленно произнес: «Судя по тому как стремительно развиваются события и меняется обстановка в Европе, объединение двух германских государств может произойти в самом скором времени». Это мое личное мнение, закончил я, и добавить мне к этому нечего.

В октябре 1990 г., уже после того как Германия воссоединилась, я вновь приехал в Берлин. Через пару дней мне позвонил Хельмут Вагнер и сказал, что меня очень хочет видеть Эрнст Нольте. Хельмут подъехал к моему отелю, и мы отправились к Нольте. Скажите, спросил он, когда Вы так смело предсказали скорое объединение Германии, Вам что-нибудь было известно о переговорах Михаила Горбачева с Хельмутом Колем? Кажется, я несколько разочаровал немецкого историка, сказав, что ничего об этом не знал. А что касается наших отношений Хельмутом Вагнером, незадолго до моего возвращения в Москву он пригласил меня в ресторан, мы хорошо посидели в смысле «выпить и закусить» и душевно поговорили. Мы расстались в дружеских отношениях и потом многие годы сотрудничали и общались в обеих столицах — Берлине и Москве.

Итог в эволюции отношений между двумя альтернативными общественными системами, в том числе в сфере идеологической и геополитической борьбы, подвело эпохальное событие — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся на высшем уровне в столице Франции 19–21 ноября 1990 г. Парижский саммит СБСЕ стал поворотным пунктом в истории этой организации — от холодной войны к сотрудничеству между Востоком и Западом. В нем приняли участие главы

¹ Это был известный немецкий историк, философ, автор многих работ о германском фашизме Эрнст Нольте (1923–2016).

государств и правительств 31 европейского государства, США, Канады и Ватикана. СБСЕ было переформатировано в Организацию безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ), были созданы его постоянные структуры и определены периодичность саммитов и встреч на уровне министров иностранных дел [Парижский саммит].

Главным итогом Парижского саммита стало принятие Хартии для новой Европы. Она начиналась словами: «Мы, Главы государств и правительств государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, собрались в Париже в период глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от наследия прошлого. Храбрость мужчин и женщин, сила воли народов и мощь идей хельсинкского Заключительного акта открыли новую эпоху демократии, мира и единства в Европе. Наше время – это время осуществления тех надежд и ожиданий, которые жили в сердцах наших народов на протяжении десятилетий: твердая приверженность демократии, основанной на правах человека и основных свободах; процветание через экономическую свободу и социальную справедливость и равная безопасность для всех наших стран» [Парижская хартия].

В 2020 г. этому замечательному документу исполнится 30 лет. Ситуация в мире, к сожалению, далека от высказанных в нем оценок и ожиданий. Человечество по-прежнему движется то ли по замкнутому кругу, то ли по спирали, и нам остается надеяться, что оно в очередной раз справится с теми проблемами и угрозами, которые оно само себе создает.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Выступление М.С. Горбачева в ООН. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/877509.htm> (дата обращения – 7 июня 2019 г.).

Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. 602 с.

Документы, касающиеся взаимоотношений между Европейским союзом и Россией. М.: Междунар. изд. группа «Право», 1994. 270 с.

Парижский саммит СБСЕ–1990 г. URL: https://www.osce.org/event/summit_1990 (дата обращения – 8 июня 2019 г.).

Сахаров А.Д. Воспоминания. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3919> (дата обращения – 7 июня 2019 г.).

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (дата обращения – 8 июня 2019 г.).

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
New York Times. 22 July 1968.

REFERENCES

Vystuplenie M.S. Gorbacheva v OON [Gorbachev at the UN]. Available at: <https://ed-glezin.livejournal.com/877509.htm>.l (accessed 7 June 2019).

Galbraith John K. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State]. Moscow: AST Publ., 2004. 602 p. (in Russian).

Dokumenty, kasayushchiesya vzaimootnoshenii mezhdru Evropeiskim soyuzom i Rossiei [Documents relating to the relationship between the European Union and Russia]. Moscow: "Pravo" Publ., 1994. 270 p. (in Russian).

Parizhskii sammit SBSE–1990 g [CSCF Paris Summit-1990]. Available at: https://www.osce.org/event/summit_1990 (accessed 8 June 2019).

Sakharov A.D. *Vospominaniya* [Memories]. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3919> (accessed 7 June 2019).

Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Zaklyuchitel'nyi akt [Conference on Security and Cooperation in Europe. The final act]. Available at: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (accessed 8 June 2019).

Tinbergen Jan. *Peresmotr mezhdunarodnogo poryadka* [Reshaping the international order]. Moscow: "Progress" Publ., 1980. 416 p. (in Russian).

New York Times. 22 July 1968.

«ALEA IACTA EST: ГЛОБАЛЬНЫЙ 1989 ГОД» ИЛИ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРНА

А.В. Ващенко

Аннотация. Данная статья является экспертным мнением по ряду дискуссионных вопросов, которые были предложены для обсуждения организаторами. Обсуждаемая проблематика находится на стыке наук: истории, политологии и международных отношений, что вызывает объективные сложности как в методологическом плане, так и при определении функциональных понятий и терминов. Автор принципиально постарался уйти от дискурсов и понятий, которые используются в западной литературе, полагая, что они задают определенный алгоритм исследования и могут повлиять на анализ и заключительные выводы. Данный подход позволил посмотреть на объект исследования глазами российского ученого, а не копировать выводы западных коллег. Предложенный взгляд — это попытка адаптировать взгляды В.И. Ленина на империализм к эпохе глобальных процессов. Бал введен термин «глобальная революция», который на взгляд автора адекватно выражает суть процессов, основанных на «глобальном экономическом базисе», проводимых «глобальной политической надстройкой» в лице ТНК, ТНБ и глобальной финансовой элитой через свои международные институты. Интересен вывод о «постмодернизме» как об идеологии этой революции. Идеологии, к которой является общей, как для «верхов», так и для «низов». Автор пришел к выводу, что «коммеморация» как процесс, который вводит прошлое (историю) в современность, противоречит принципу историзма. Коммеморация — это часть исторической политики, что было продемонстрировано на примере феномена современной русофобии.

Ключевые слова: империализм, «глобальная революция», коммеморация, транснациональные корпорации (ТНК), транснациональные банки (ТНБ), руссофобия.

Ващенко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, vashchenko2002@bk.ru.

“ALEA IACTA EST: THE GLOBAL 1989 YEAR” OR THE COLD WAR IN THE POSTMODERN STYLE

A.V. Vashchenko

Abstract. This article is an expert opinion on several questions that were proposed for discussion by the organizers. The issues discussed are at the intersection of the sciences: history, political science and international relations, which causes objective difficulties both in methodological terms and in the definition of functional concepts and terms. The author fundamentally tried to get away from the discourses and concepts that are used in Western literature, believing that they set a certain research algorithm and may affect the analysis and conclusions. This approach allowed us to look at the object of research through the eyes of a Russian scientist, and not to copy the findings of Western colleagues. The proposed view is an attempt to adapt the views of V. And Lenin on imperialism to the era of global processes. Ball introduced the term “global revolution”, which, in the author’s opinion, adequately expresses the essence of processes based on the “global economic basis” conducted by the “global political superstructure” represented by TNK, TNB and the global financial elite through its international institutions. An interesting conclusion is about “postmodernism” as the ideology of this revolution. Ideologies resorted to by both the “top” and the “bottom”. The author concluded that “commemoration” as a process that introduces the past (history) into modernity is contrary to the principle of historicism. The commemoration is a part of historical politics, which was demonstrated by the example of the phenomenon of modern Russophobia.

Keywords: imperialism, “global revolution”, commemoration, trans-national corporations (TNC), trans-national banks (TNB), Russophobia.

Актуальность: Предложенная тема дискуссии, вынесенная автором в заголовок статьи, переносит нас к эпохальному событию — разрушению Берлинской стены. Это действие стало началом заключительного этапа холодной войны, последним аккордом, которого стал распад Советского Союза. По поводу оценок этих событий и интерпретаций дальнейших до сего дня идут бурные дискуссии с высказыванием полярных точек зрения. Планируемая дискуссия, по всей видимости, одна из них.

Степень изученности проблемы: За 30 лет отстоящих от рассматриваемых событий опубликовано огромное количество книг, документов, мемуаров, кино и фото документов. Они известны специалистам и нет смысла их перечислять. Стоит лишь отметить, что пока не выработано единого методологического подхода, не определен понятийный аппарат, есть дискуссии по хронологии, отсюда и продолжение споров, которые из истории перекинуты в сегодняшний день и по существу стали спорами о выборе модели глобализации или шире модели развития мира.

Цель: Через ответы на поставленные вопросы высказать свое экспертное суждение по основным тенденциям современного развития мира, имеющими основу в далеком 1989 г.

Задачи: Вытекают из поставленных организаторами дискуссии вопросов. Для себя я их сформулировал следующим образом: 1. Проблема дискурсов и понятий; 2. Был ли «распад» СССР закономерен с точки зрения исторических законов и логики развития глобального мира или «развал» Советского Союза дело рук предателей, наивных и недалеких людей перестроечной эпохи; 3. Завершилась ли холодная война как эпоха идеологического и геополитического противостояния Советского Союза и новой России с США и Западом в целом; 4. В чем причина современной русофобии в странах Запада и тех государств, кто стремится войти в западный пул.

Объект анализа: Процессы в области международных отношений, идущие на глобальном, региональном и межгосударственном уровнях.

Предмет анализа: Проблемный ряд, сформулированный в задачах и вопросах дискуссии.

С самого начала существования новой России с конца 1991 г., гуманитарные науки в нашей стране находились под доминирующим воздействием западных теоретических и методологических подходов. Данная ситуация имела как плюсы, так и существенные минусы. К положительным моментам можно отнести знакомство и освоение российскими учеными западных теоретических концепций и практических прикладных методик в гуманитарной сфере. К минусам и рискам можно отнести «навязывание дискурса», которое привело к сужению рамок анализа исключительно на основании западных методик. Учитывая, что «западный дискурс», базируется на своем понятийном аппарате, использование его для анализа стратегических процессов, формирующих будущую картину мира с точки зрения национальных интересов РФ, представляется абсолютно невозможным, опасным и вредным. По мере ухудшения отношений с Западом после воссоединения Крыма

с Россией в 2014 г., стал крепнуть голос той части российских исследователей, которые базировались на российских национальных интересах. Возникла уникальная ситуация, когда стала формироваться российская гуманитарная школа, базирующаяся с одной стороны на российских национальных интересах, особенно в области проблем безопасности, а с другой хорошо знающих западную теоретико-методологическую базу. При этом, необходимо отметить, что тенденция, навязать западные подходы во всех ключевых областях развития Российской Федерации не только не ослабевает, но икратно увеличивается. Сейчас основной удар наносится по системе высшего образования РФ, как системе подготовки кадров высшей квалификации. «Проект цифровизации» российских ВУЗов на базе технологических и интеллектуальных платформ, разработанных иностранными ТНК может полностью поставить наши университеты под контроль мировых финансов институтов, контролируемых Западом. Это будет означать потерю Россией суверенитета в области высшего образования.

Ценность любой теоретической концепции заключается в том, на сколько полно и системно она может объяснить идущие процессы во всей их взаимосвязи.

Западный дискурс развития процессов после 1989 г. таков: полная победа демократии, привела к ее триумфальному шествию. Политическая демократия и рыночная экономика распространилась на территории, которые ранее декларировали стремление построить социалистический строй. Западная система доказала свою прогрессивность и жизнеспособность. В почти советский термин «триумфальное шествие демократии» (по аналогии с «триумфальным шествием советской власти») западные исследователи включают и происходящие регулярно разного рода «цветные революции». В качестве причины победы указывается преимущество глобальной экономики, которая стала активно развиваться со второй половины 70-х гг. XX в. Она же обусловила успешность интеграционных процессов однотипных экономик. Советский Союз не смог обеспечить экономической конкуренции, прав человека и индивидуальной свободы, базирующейся на частной собственности, поэтому и ушел в историческое небытие. В этот дискурс вполне вписываются такие понятия как «точка невозврата», «глобальный 1989» (и еще более «глобальный 1991») и т.д. Но эта теория не объясняет следующего парадокса. Казалось бы, система стала гомогенной, следовательно, должна быть менее конфликтной. ««Буржуины» всех стран объединились» и наступило царство Всеобщей «Свободы» и «Демократии». Но, по факту, мы имеем усиление конфликтности, полную хаотизацию экономических, политических и информационных процессов. Попытка объяснить это наличием «оси зла», «стран изгоев», «деструктивной Россией», «международным терроризмом» и т.д. мало продуктивна. Показатель того, что научная теория не может адекватно объяснить представленный парадокс – это перетекание терминов из области стратегических документов и научных работ в сферу идеологических штампов и пропаганды. Что поразительно, западный дискурс очень напоминает марксизм. Есть экономический детерминизм (преимущество глобальной, рыночной экономики над плановой социалистической

экономикой). Есть связь «экономического базиса» с политической «надстройкой» в виде свободы, демократии и прав человека, что обеспечивается частной собственностью и рынком. Разница лишь в том, что вместо мировой пролетарской революции произошла революция глобального капитала. И вот этот термин «революция глобального капитала» мне представляется наиболее удачным, для объяснения процессов, идущих в мире с 1989 г. Почему? Давайте обратимся к известной работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная вождем мирового пролетариата весной 1916 г. в Цюрихе в разгар Первой мировой войны [Ленин, 1986, т. 2, с. 3–98]. В предисловии к работе 6 июля 1920 г., то есть уже после Октябрьской революции, основатель советского государства напишет:

«Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 г. во всемирном масштабе» [Ленин, 1986, т. 2, с. 7]. Сравнивая современную ситуацию, с той, которая была проанализирована В.И. Лениным, можно увидеть ряд интересных параллелей. Первое — все признаки империализма, указанные В.И. Лениным, а именно: образование монополий; сращивание монополий с банками и образование промышленно-финансовой олигархии; вывоз капитала; борьба за рынки сбыта и следующий за этим экономический и территориальный передел мира, не только присутствуют в современной международной системе, но, трансформировавшись, перешли на новый глобальный уровень. Второе — асимметричность и неравномерность в развитии капиталистических стран и их конгломераций в виде интеграционных объединений сохраняется. Это привело к образованию двух тенденций, которые соперничают между собой в международной системе. Первая, «глобалистская», пост национальная, представленная в экономическом плане ТНК и ТНБ и их политической надстройкой в лице финансово-промышленной олигархии, прежде всего, США и стран Запада. Вторая, «суверенная» или «национальная», представленная ТНК и ТНБ крупных, многонациональных, многоконфессиональных стран, таких как, Китай, Индия и Россия и т.д.. Политическая элита этих государств, понимая, что их экономические акторы еще слабы и в открытой борьбе, скорее всего, будут подчинены более мощным корпорациям, вынуждены проводить политику защиты их интересов. Отсюда стремление к суверенитету, самостоятельности, хотя, впрочем, все же, ограниченному и не полному. Это выражается в наличии контрольного пакета акций крупных ТНК и ТНБ в руках государства. Однако, при возможности, эти страны не упустят возможности поучаствовать в борьбе за рынки, в экономическом и территориальном переделе, если их соседи более слабые государства. Часто эти действия, совпадают с национальными интересами данных государств, и поддерживаются большей частью населением. Третье — главный вектор мировой политики стран глобального блока — это перемалывание суверенитета, что понимается ими как устранение любых препятствий на пути свободного движения товаров, капиталов, услуг, рабочей силы и информации, военных контингентов и т.д. Устранение социальных, экономических и политических преград, мешающих максимизации прибыли глобальных ТНК, ТНБ и аффилированных с ними глобальных элит. Согласно плану-прогнозу Жака Аттали, самое позднее в 2050 г. должна быть развернута окончательная деконструкция государств, «капитализм придет к своему пределу:

уничтожит все, что ему не принадлежит. Он превратит мир в огромный рынок, судьба которого не будет связана с судьбой наций и который будет свободен от требований и ограничений сердца» [Коврига, с. 149]. Четвертое – при таком расширении, неизбежно столкновение интересов и борьба за отдельные регионы и страны. В настоящее время идет битва за Ближний Восток. В эпицентре Сирия. Достаточно остро происходит борьба на постсоветском пространстве. В этом контексте интересно как редуцировались «цивилизованные методы борьбы» монополий с «иными участниками рынка». Ленин, ссылаясь на немецкого экономиста Кестнера, указывает на такие приемы как: «лишение сырых материалов», «лишение сбыта», «планомерное сбивание цен», «лишение кредита», «объявление бойкота» [Ленин, 1986, т. 2, с. 19]. Вот полный список санкционных методов, которые в XX в. применялись к отдельным фирмам, не входящих в картели, а в XXI в. применяется к целым странам и регионам. Пятое – хаотизация международной системы – это показатель революционной ситуации, когда «низы не хотят жить как прежде, а верхи не могут управлять и хозяйничать как прежде» [Ленин, 1973, т. 23, с. 303]. «Верхи» бросают огромные ресурсы на глобальное управление (им принадлежит монополия на высокотехнологичные виды вооружений, спецслужбы), они контролируют СМИ. Пытаются создать через систему «глобального образования» особый тип управляемого общества потребления. Но хаотизация нарастает. Она нарастает еще и потому, что «верхи» пытаются использовать старый римский принцип «разделяй и властвуй», пытаясь играть на религиозных, этнических, гендерных, расовых, социальных и прочих противоречиях «низов». Шестое – в антиглобалистский протест втягивается огромное количество людей совершенно различных. Их объединяет то, что они не могут быть инкорпорированы в глобальную систему на приемлемых условиях. То есть их жизнь становится хуже. Рынок, «лишенный сердца», делает товаром все, включая детей, человеческие органы, совесть, саму жизнь. Более того глобальная система стала угрозой для существования человека и как биологического вида и как духовного существа. «Верхи», разрушая преграды для рынка, для получения сверхприбыли оказывают колоссальное давление на «низы». Низы отвечают ассиметрично, но эффективно. Они отвечают демографией, миграцией и терроризмом. И чем сильнее давление, тем сильнее ответ. Чем сильнее ответ, тем сильнее давление. И в данной системе это противоречие неустранимо. Как следствие увеличение хаоса и конфликтности. И в этом контексте формирование глобальной рыночной капиталистической системы есть канун, «глобальной революции». Идеологией «глобальной революции» является постмодернизм, основной принцип которого – «можно ВСЕ»!!! Причем эта идеология используется всеми участниками глобального процесса от западных политиков, до боевиков ИГИЛ, то есть и «верхами», и «низами».

Поэтому на вопрос «Был ли “распад” СССР закономерен с точки зрения исторических законов и логики развития глобального мира?» ответу: «Да, это была закономерность, детерминированная экономическими процессами». Играл ли роль субъективный фактор? – Да и очень сильно! Российская финансово-промышленная элита стремилась и стремится занять свое место в глобальной элите даже

в ущерб национальным интересам страны. Эта часть российской элиты считает, как и их «западные партнеры», что холодная война закончилась. Она закончилась победой Запада. Ее результатом стала ликвидация СССР, Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского Договора (ОВД). Но этот тезис не объясняет того факта, почему Россия так и не смогла интегрироваться в западные структуры (НАТО, G-7/8), не объясняет обострения конфронтации по линии Россия – Запад. Видимо противоречия оказались более глубокими. Скорее всего, они носят цивилизационный характер. Холодная война в стиле постмодерна, когда можно ВСЕ, продолжается. Сегодня мы имеем беспрецедентный уровень, даже не русофобии (страх перед Россией), а ненависти к России и всему что с ней связано (к ее истории, культуре, политике и т.д.). Скажу больше, через т.н. Болонскую систему ненависть ко всему российскому культивируется и внутри нашей страны. Почему так получается? Сошлюсь на авторитетного А.В. Торкунова, ректора МГИМО(У), который прямо заявляет: «Анализ текущих тенденций в рамках так называемого болонского процесса свидетельствует, что он был направлен, прежде всего, на решение не научно-образовательных, а социально-политических задач, и в первую очередь – на формирование молодого поколения «подлинных европейцев», на консолидацию общеевропейской идентичности [Торкунов, 2017, с. 10.]». Отсюда и расхождение интересов в образовании, особенно в гуманитарной сфере, так как «общеевропейская идентичность» базируется на русофобии и по сути своей анти-российская. Об этом говорит история. Как только на территории Европы начинал реализовываться очередной общеевропейский проект, будь то на основе Речи Посполитой XVII в., или на основе наполеоновской Франции начала XIX в., или на основе нацистской Германии 1933–1945 гг., логика развития этого проекта неумолимо толкала его к столкновению с Россией.

Гуманитарное образование – основа формирования исторической памяти. Сейчас развернулась острейшая борьба за университеты, как институты, которые не только формируют устойчивые образы прошлого, но и разрабатывают модели будущего. Для представителей глобального финансового капитала (в том числе и российского) предпочтительной является американская модель университета. Университет как транс-национальная корпорация (ТНК). При такой модели главным в деятельности университета становится получение прибыли. Учитывая неравномерность развития стран и университетов в них, такая модель позволяет выкачивать с периферии интеллектуальный капитал в виде талантливых ученых и студентов. Вся система рейтингов ВУЗов, индексов цитирования и т.д. направлена как раз на учет интеллектуальной собственности и определения ее цены на глобальных рынках. «Цифровизация» вузов – часть этого процесса. Если это произойдет, на основе информационных платформ, разработанных западными ТНК, то глобальный капитал сможет влиять не только на формирование исторической памяти, но и на формирование моделей развития будущего!!!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Коврига А.В. Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм? // Развитие и экономика. 2015. С. 146–173.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Избранные произведения в 4-х томах. Т.2. М., 1986.

Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. М., 1973.

Торкунов А. Российские ВУЗы в процессе интернационализации // Международные процессы. Том 15. Номер 48 {48}. Январь–март. 2017. С. 6–12.

REFERENCES

Kovriga A.V. Global'nyj krizis i pereustrojstvo gosudarstvennogo dela: vspomnim kamerализм? [The global crisis and the restructuring of public affairs: remember cameralism?], in *Razvitie i ekonomika*. 2015. Pp. 146–173 (in Russian).

Lenin V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism], in Lenin V.I. *Izbrannye proizvedeniya v 4-h tomah* [Selected works in 4 volumes]. Tom 2. Moscow, 1986 (in Russian).

Lenin V.I. Maevka revolyucionnogo proletariata [May Day of the revolutionary proletariat], in Lenin V.I. *Polnoe Sobranie sochinenii, 5-e izdanie* [Full composition of writings]. Tom 23. Moscow, 1973 (in Russian).

Torkunov A. Rossijskie VUZy v processe internacionalizacii [Russian universities in the process of internationalization], in *Mezhdunarodnye process*. Tom 15. Nomer 48 {48}. Yanvar'–mart. 2017. Pp. 6–12 (in Russian).

1989 — ПОВОРОТ В ИСТОРИИ?

Э. Вахтель

Аннотация. Статья посвящена различным взглядам, академическим и массовым, на изменения, произошедшие в Европе после 1989 г. Используя литературные и исторические материалы, автор показывает, что оценка событий прошлого в значительной мере определяется той точкой, из которой мы обзираем былое, фактом наличия или отсутствия телеологической перспективы, а также «исследовательской рамкой», которую задает вопрошающий. В статье прослеживаются изменения, которые произошли в оценке событий 1989 г. за последние 30 лет, а также факторы этой динамики, среди которых автор выделяет как экономические, так и социально-политические причины, включая европейскую интеграцию. При этом он подчеркивает, что все те перемены, которые характеризовали восточно-европейскую жизнь в последние три десятилетия, были неравномерны, а также сопровождались не только достижениями, но и провалами. Автор приходит к выводу, что спустя тридцать лет еще рано судить об итоговых результатах событий тех лет. В конечном счете, считает автор, они будут зависеть от того, насколько полно Восточная Европа будет интегрирована с остальными странами в политическом, экономическом и культурном смыслах.

Ключевые слова: 1989 г., Восточная Европа, СССР, поворот в истории, европейская интеграция, телеология, транзитология.

1989 – A HISTORICAL TURN?

A. Wachtel

Abstract. The article applies to various perspectives, academic and popular, concerning the changes that took place in Europe after 1989. Using literary and historical evidence, the author demonstrates that any contemporary evaluation of the past is determined by the point of observation as well as by the presence or absence of a teleological perspective and by the “research framework” which is set by the researcher. When dealing with changes in the evaluation of post-1989 Europe and with factors of that dynamic, the author emphasizes economic and socio-political foundations including economic development and European integration. He argues that the changes that happened in Europe over the past 30 years were uneven and were accompanied by successes and failures. The author concludes that at this stage it is still too early to make a final evaluation of the results of 1989. They will ultimately be determined by how successfully Eastern Europe will be integrated into Europe as a whole in the economic, political and cultural spheres.

Keywords: 1989, Eastern Europe, USSR, a turn in history, European integration, teleology, transitology.

Есть анекдот, который относится к бывшему китайскому премьеру, Чжоу Энлай. Спросили его мнение по поводу Французской революции, и он как будто ответил, «пока судить о ней рано»¹. Скорее всего этот рассказ является вымыслом, но в нем есть зерно истины, которое легко забывается: концепция исторического поворота сильно зависит и от точки зрения человека, который о нем рассуждает и от масштаба вопроса. Если мы начнем с самого большого временного ракурса, с момента большого взрыва, то идея поворота в истории, связанного с человеческой историей комична. Масштаб пространства и времени вселенной человеческим умом просто невозможно охватить, и в контексте этой 13-миллиардолетней истории вся история человечества не важнее, чем судьба одной пылинки на земле. Это стало особенно очевидно с тех пор, когда человечество породило идею, что вселенная существует, чтобы мы в ней могли жить.

Даже если мы будем иметь в виду масштаб планеты Земля, опыт человечества является всего лишь маленькой вспышкой на 4,5-миллиардолетнего радарного экрана нашей планеты. На этом масштабе есть, скорее, только один, правда достаточно длинный, исторический поворот, связан с человеческой историей – антропоцен. То есть процесс, по которому человеческая деятельность в совокупности безвозвратно изменяет окружающую среду нашей планеты, начиная примерно 10 000 лет тому назад. При этом изменения становятся очень заметны лишь за последние примерно 100 лет. Но даже если будем смотреть на точку поворота с чисто человеческой точки зрения, реплика Чжоу Энлай показывает, что ответ будет сложным. Конечно, в современной концепции европейской истории Французская революция является очевидной точкой поворота, но оказывается в зависимости от твоей перспективы, при которой есть вероятность, что считать ее поворотом нельзя.

Отчасти, проблема связана с телеологией истории или ее отсутствием. Если бы, следуя Марксу и многим другим мыслителям XIX в., мы знали куда идет человеческая история, было бы относительно легко разыскать исторические точки поворота. Если феодализм должен обязательно быть заменен капитализмом, мы можем определить те моменты, где переход реально случился и объявить эти моменты историческими точками поворота. Такой подход дал возможность советскими историками, например, дать оценку всем исторически событиям и деятелям. Тех, кто был среди «прогрессивно мыслящих людей своего времени» можно было восхвалять, даже если они не были коммунистами, а те, которые были отнесены в число «ретроградов» оказались выброшены с «парохода» современности.

Но, если мы не знаем, куда история идет, то тогда такой подход оказывается гораздо сложнее. Для писателя вроде Льва Толстого, который не придерживался телеологического подхода к истории, было очень тяжело решить, где определенный исторический нарратив нужно начать или заканчиваться. Таким образом,

¹ По более достоверным источникам, дело произошло в 1972 г. и Чжоу имел в виду беспорядки 1968 г. во Франции. Но для нас апокрифический вариант лучше. Подробнее см.: <https://mediamythalert.com/2011/06/14/too-early-to-say-zhou-was-speaking-about-1968-not-1789/>.

желая написать роман про декабриста, который возвращается в европейскую Россию в 1856 г., он понял, что прежде всего надо описать события 1825 г. Но чтобы понимать 1825 г., ему казалось все таки нужно охватить 1812 г. По идее он бы мог идти назад бесконечно, но к счастью для мировой литературы он решил более или менее произвольно начать с 1805 г. в московском высшем обществе, по-французски и в момент, который вряд ли большинство людей считали бы особенно «историческим».

С другой стороны, если мы будем рассматривать понимание исторического поворота с точки зрения индивидуума, несомненно, что каждый из нас может найти ключевые моменты поворота в нашей собственной жизни; некоторые из них будут связаны с исключительно личными моментами, а некоторые с более глобальными историческими процессами. Даже Толстой дает рассказчику повести «Детство» право говорить после смерти матери – «в этот день закончилось мое счастливое детство». Но ретроспективно, и особенно если мы перейдем от индивидуального к коллективному, оказывается, что много моментов, которые люди могли бы в то или иное время понимать, как исторические повороты, на самом деле ими не являются. Например, во время Второй мировой войны в США женщины вдруг начали самостоятельно жить и работать, как никогда раньше. Они, наверное, полагали, что военное время было историческим поворотом, который дал им очень много возможностей. Но почти сразу после войны, их вынудили покинуть рабочие места в пользу ветеранов, и им пришлось вернуться на то же положение в обществе, где они были до войны. То есть, поворот оказался временной вспышкой, мнимым поворотом.

Вообще, подводя итог, мы можем сказать, что чем ближе к историческому событию и историческим деятелям, тем больше конкретное событие кажется историческим поворотом. Чем дальше во времени и пространстве ты находишься от события, тем меньше шансов, что ты поймешь данное событие, как реальный поворот. В принципе это похоже на ситуацию читателя художественной литературы: если книга недавно написана, то она обычно кажется более значимой, чем окажется таковой через сто лет.

Для этого эссе мы предлагаем брать временной масштаб человеческой истории и перспектива человечества на большом, но не универсальном уровне. Зададимся вопросом – являлся ли 1989 г. точкой поворота в истории? Но даже после того, как мы сузили наш вопрос, все же сохраняется некая двусмысленность, потому что мы должны спросить – какая история и для кого именно? Если мы зададимся вопросом, являлся ли 1989 г. точкой поворота для истории межэтнических отношений в Новой Зеландии, например, ответ, очевидно, будет нет. Поэтому надо сузить вопрос еще больше: был ли 1989 г. точкой поворота для тех людей, которые каждый день сталкивались с реальностью советской системы, будучи гражданами стран, оказавшихся под влиянием СССР?

В 1989 г. для таких групп было очевидно, что события этого года являлись исторически уникальными. Для любого человека, который участвовал или даже издали

смотрел, казалось, ясно, что целый мировой порядок, при котором миллионы людей жили в течение почти пятидесяти лет, рушился почти в одно мгновение. Исполнение Девятой симфонии Бетховена в Берлине около полуразрушенной Берлинской стены с участием музыкантов Запада и Востока (дирижер Леонард Бернштейн) на Рождество 1989 года, выборы 29 декабря в Чехословакии, где президентом стал бывший диссидент Вацлав Гавел создали необычную атмосферу, и убедили весь мир, что нечто новое рождается в бывших коммунистических странах Восточной Европы. Были, конечно, люди, которым изменения казались страшными и те, которые были в восторге, но редкий человек в Восточной Европе мог не замечать изменений.

И волны, которые исходили из-за этого поворота, как рябь на пруду, продолжались распространяться в течение следующих лет: Восточная и Западная Германия объединились в 1990 г., а в 1991 г. произошел развал Советского Союза. Свободные выборы во многих странах Восточной Европы стали символом новой, плюралистической политической системы. Все это было до такой степени ясно, что Френсис Фукуяма в 1992 г. в книге «Конец истории и последний человек» как будто предсказал, что распад коммунистических режимов приведет к окончательной победе западной модели либеральной демократии и появлению правовых государств по всему миру. После многих лет дефицита товаров при коммунизме, граждане Восточной Европы предвкушали рыночные реформы, которые обещали дать новые возможности в повседневной жизни. И когда западные продукты хлынули во все бывшие социалистические страны, то ощущалась волна желания достичь западного образа жизни. Целая академическая область «кремленология» заменилась «транзитологией», и целый ряд западных специалисты начали писать новые конституции, судебные системы, и схемы приватизации, которые все вместе должны были быстро изменить жизнь людей.

Не удивительно, что спустя тридцать лет, 1989 г. как исторический поворот имеет определенную двусмысленность. Можно начать с политики. В 1989 г. все ожидали, что эпохе коммунистических диктаторов, которые контролировали политическую жизнь в странах Восточной Европы, пришел конец, и дальше будет процветание демократии и плюралистической политики. Сегодня, однако, стало ясно, что изменения были менее глубокими, чем представлялось и ожидалось. Многие лидеры восточноевропейских стран начали свою карьеру при коммунизме и даже те, которые помоложе часто себя ведут так, как будто в новой форме желают возродить старый политический строй. Да, есть выборы, но наблюдаются политические манипуляции в ходе них; есть как будто свободные СМИ, но самые значимые из них находятся под контролем главных политических фигур. И хотя всем очевидно, что вступление в Евросоюз и НАТО должно было защитить регион от СССР/России, однако этого не случилось из-за стремления РФ вмешиваться в политическую жизнь стран Восточной Европы. Поскольку влияние РФ на демократические процессы Западной Европы также возрастает, можно даже сказать, что в каком-то смысле поворот 1989 г. в конечном итоге не приведет, как все ожидали, к «западизации» Восточной Европы, но приведет к «восточизации» Европы в целом.

Если обратиться к экономике, то бесспорным является факт, что стандарт жизни в Восточной Европе заметно вырос в течение прошедших тридцати лет. Застой позднего социализма был изменен на что-то гораздо более динамичное. Но если мы зададимся вопросом, ощущает ли большинство населения себя лучше, чем в 1989 г., то ответ будет очень непростой. На самом деле, популисты часто выигрывают львиную долю голосов в выборах в Восточной Европе именно потому, что несмотря на бесспорное макроэкономическое улучшение, очень много людей считает, что их жизнь сейчас хуже, чем была в эпоху позднего социализма. Отчасти мы здесь имеем дело с классическим примером проблемы «завышенных ожиданий», и скорее всего было бы можно доказать, что среднестатистический человек в Восточной Европе находится в лучшем экономическом положении сейчас, чем в 1989 г. (Однако, если посмотрим на постсоветское и постюгославское пространство, то ситуация вполне может быть иная). Но даже в тех странах, которые вошли в Евросоюз и чьи экономики показали значительный рост, этот рост оказался а) очень неравномерным, так как только 10% населения значительно улучшили свои позиции, и б) с ощутимыми потерями.

И если мы говорим о точке поворота, то мы должны тщательно проанализировать этот последний пункт. Ведь самый главный аспект социалистической экономики был в неписанной договоренности между государством и гражданами. Суть была такая: государство экспроприировало большинство, что было произведено, и взамен дало всем более или менее одинаковый уровень жизни, стабильность и предсказуемость. Для самых амбициозных граждан такая договоренность была не очень приемлема, но большинство воспринимало такую ситуацию, как должное, отчасти из-за того, что другого просто не знали. После 1989 г. появились новые возможности, но ощущение стабильности полностью исчезло. Конечно, людям нравятся новые возможности, но ощущения страха и неуверенности больше пугает, чем новые возможности привлекают. Таким образом, мы видим парадокс: да, 1989 г. был точкой поворота в экономической жизни большинства людей Восточной Европы, но достаточно большой процент из них мечтают сегодня вернуться к ситуации до 1989 г., когда у них было меньше, но они жили без страха относительно будущего.

Классический исторический роман описывает события, которые имели место примерно 60 лет до того, как роман был написан (так первоисточник жанра, «Уэверли» Вальтера Скотта имеет второе название «Шестьдесят лет назад»), и такая временная рамка дает хорошую перспективу судить о том, что было важно и что было менее важно в прошлом. В этом плане, и в 2019 г. рано судить о том, был ли 1989 г. реальной точкой поворота в истории. Уже очевидно, что транзición коммунистического мира не проходила по тем планам, которые создавались как на Западе, так и в самих странах Восточной Европы, но этот факт сам по себе не означает, что 1989 г. не является точкой поворота. Если, в течение следующих тридцати лет, страны Восточной Европы будут полностью интегрированы с остальными странами Европы в политическом, экономическом и культурном аспектах, тогда и только тогда будет ясно, что 1989 г. был действительно точкой поворота.

Увидимся в 2049 г.

REFERENCES

- Debeljak Aleš. *The Hidden Handshake: National Identity and Europe in The Post-Communist World*. Rowman & Littlefield, 2004. 123 p.
- Feffer John. *Aftershock: A Journey into Eastern Europe's Broken Dreams*. Zed Books, 2017. 352 p.
- Ganev Venelin. *Preying on the State. The Transformation of Bulgaria after 1989*. Cornell UP, 2007. 222 p.
- Garton Ash Timothy. *The Magic Lantern: The Revolution of 1989 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague*. Random House, 1990. 176 p.
- Leksikon Yu Mitologije*. Available at: <http://www.leksikon-yu-mitologije.net/> (accessed 06 June 2019).
- Lendvai Paul. *Orbán. Hungary's Strongman*. Oxford UP 2017. 224 p.
- Masterpieces of History. The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989*. Eds. Svetlana Savranskaya, Thomas S. Blanton, Vladislav Zubok. CEU Press, 2010. 730 p.
- Snyder Timothy. *The Road to Unfreedom. Russia, Europe, America*. Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
- Verdery Katherine. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton UP, 1996. 312 p.